
Владимир Сергеевич
Виноградов

Записки красного барона

Как и большинство моих коллег, я окончил Московский финансовый институт. В 1979 году — самый блатной факультет института — МЭО (международных экономических отношений). Брели туда только москвичей, только ребят и набирали в каждую группу по 25 человек (а их было две). По правде сказать, поступать я хотел на истфак МГУ, но после тяжелых боев, проиграв схватку с родителями, вынужден был поступить на учебу в финансовый институт. О чем, впрочем, не жалею.

Распределен был в отдел документарного инкассо Экспортного управления Внешторгбанка СССР. Располагалась она в Копьевском переулке у Большого театра. Там работали одни женщины, большинство были разведены либо не замужем! Я пришел не один, вместе со мной отбывали обязательное направление: Владимир Гамов (работая потом представителем одного из внешнеторговых объединений, он погиб во Вьетнаме) и Дима Ризинашвили (папа у него был директором знаменитого овощного магазина на Садовой за театром Образцова). У нас была удивительно сложная, вернее, нудная работа — проверять правильность и наличие документов, прилагаемых к инкассовым поручениям. Самым приятным был декабрь, когда представители двух сотен внешнеторговых объединений приносили календари и другие подарки.

Инкассо финансовых документов — банковская операция, используемая главным образом во внешней торговле. Экспортное инкассо предполагает, что банк экспортера сразу же после предоставления продавцом товарных документов оплачивает ему стоимость отгруженной продукции с последующим получением соответствующих сумм от банка-импортера, который в свою очередь получает денежные средства от покупателя (*прим. авт.-сост.*).

Единственной нашей отрадой было хождение в известные в то время московские заведения «Красный мак» и «Яму».

Я тоже помню известный всей Москве пивной бар на углу Пушкинской и Столешникова, находящийся в глубоком подвале и потому прозванный народом «Яма». Чтобы войти в него, надо было спускаться по доволь-

но длинной, крутой и скользкой лестнице. На первый взгляд это было жуткое место: лужи пива на полу, ошметки рыбы на столах... Но посещать его считалось особым шиком даже среди весьма приличной публики. За одним столом здесь можно было встретить местного алкаша, мирно беседующего с народным артистом из соседнего МХАТа. За соседним

В. В. Виноградов

1979–1981

Инспектор отдела документального инкассо Экспортного управления Внешторгбанка СССР

1981–1989

Экономист, старший экономист, ведущий экономист отдела валютных операций (дилинга) Валютного управления Внешторгбанка СССР

1989–1992

Директор казначейства East-West United Bank S.A. (Люксембург)

1992–1993

I.M.I., Люксембург, Главный эксперт по России

С 1990

Первый представитель Российской торгово-промышленной палаты за рубежом

столом спорили о футболе рецидивист в наколках и полковник МВД. Любила его и творческая богема города. Уже в перестройку заведение закрыли, на его месте разместили дорогой испанский ресторан, и в 1998 году... дом провалился в яму! (прим. авт.-сост.)

Работа же меня так доконала, что я за короткий период написал семь заявлений с просьбой отправить меня на войну в Афганистан. Но так как я жил на Кутузовском проспекте в доме 26, то мой сосед — районный военный комиссар, постоянно отказывал мне в праве выполнить гражданский долг. Восьмое заявление все-таки приняли, но тут я встретился со своей будущей женой, и она поступила столь же решительно, как до этого комиссар.

К счастью, в начале 1981 года мне удалось перевестись в валютное управление. И это совпало с появлением в нашей стране валютного рынка. Конечно, только в рамках Внешторгбанка СССР. Я попал в компанию к Сергею Трошину, Виталию Безруку, Александру Янушкину, Юрию Пономареву (бывшему одно время начальником валютного управления). Вскоре (в 1982 году) начальником управления стал Виктор Владимирович Геращенко. Моим отделом валютных операций (дилинга) руководил тогда Николай Товстенчук. У него очень интересная судьба. Когда-то он работал с Геращенко в Бейруте. Когда там началась война, сотрудников местного филиала Моснарбанка забыли вывести на «большую землю». Подлодка с дипломатами ушла без них. Николаю пришлось деньги и драгоценности банка в чемодане вывозить через границу на своей личной машине! Сейчас он живет в Австрии.

Янушкин был блестящий дилер, но закончил он плохо. Работая на Кипре, он дважды брал средства у частных клиентов, проигрывал их и в конце концов закончил жизнь самоубийством.

Вначале своей дилеровской карьеры я полтора года поработал в бэк-офисе. В отделе была своя бухгалтерия, которая вела учет остатков по крупным корсчетам. Дилеры отдавали нам так называемые «рапортички», на которых

были отмечены все сделки ими совершенные. Их мы заносили (вначале вручную, затем процесс компьютеризировали) в свои сводные докумен-

ты. Составляли мы даже платежные телеграммы. Передавали на ключевание, но там платежные документы на содержание дополнительно не проверяли. Доверие к нам было огромное, любой сотрудник отдела мог перевести любую сумму в валюте на любой счет мира! И мы оправдали доверие, насколько я знаю, случаев злоупотребления доверием не было. Потом я занимался экономической информацией, готовил справки для различных организаций (в том числе и для ЦК КПСС), обзоры валютных рынков.

В тот момент произошло знаменательное событие, имеющее свое начало еще в 1980 году. Тогда, после ввода войск в Афганистан, из опасения, что США поступят с нами, как когда-то с Ираном, заморозив авуары страны, было дано указание, освобождаясь от доллара, переводить валютную кассу в альтернативные валюты. Все внешнеторговые расчеты тогда перестали вести в американской валюте. Это был полный цирк, когда за нефть рассчитывались йенами. Такое продолжалось примерно два-три года. За это время доллар достаточно сильно подорожал. И когда опасения о замораживании средств в долларах уменьшились, и валютную кассу страны опять стали переводить в доллары, выяснилось, что Банк теряет на этой операции несколько миллиардов долларов! При этом виноватых не оказалось.

Вскоре меня перевели на депозитные операции. Но так как на дилинге у нас было всего шесть человек, дилинговыми операциями приходилось заниматься всем сотрудникам.

У нас тогда был огромный лимит открытой позиции¹ (иногда, когда валютную кассу «переворачивали», он доходил до 2–3 миллиардов долларов), и какое-то время наш дилинг по объемам спекулятивных валютных операций был одним из самых больших в мире. На мировом рынке нас называли «Red barons» (красные бароны).

Непосредственно торговлей занимались в основном двое — Сергей Трошин и Александр Янушкин. Делали все «вручную». Системы «Reuter Dealing» появились позже.

Работали без большой суеты. Вызывали по телексу крупного партнера и покупали или продавали сразу одним лотом двести, триста, а то и пятьсот миллионов долларов. Ясно, что рынок на это реагировал достаточно активно.

Я сразу включился в работу — почти два года в документарном бизнесе дали мне очень много, я знал о банковских операциях больше, чем некоторые мои коллеги.

Активно мы работали и с нашими совзагранбанками, в первую очередь с лондонским Московским народным банком и парижским Евробанком. Иногда они по нашему поручению выполняли некоторые заказы, в том числе и валютные. А когда их дилеры проваливались, а это происходи-

¹ Открытая позиция (на финансовом языке иногда называется «поза») — операция, не закрытая обратной сделкой (прим. авт.-сост.).

ло, что греха таить, нередко, мы частично их убытки брали на себя. Конечно, если у нас самих была дневная прибыль.

Год практически всегда мы заканчивали с прибылью, хотя, когда мы занимались арбитражем, особенно никто и не давил на получение дохода. Главным было — регулирование валютной кассы, чтобы она была безубыточной. Это, кстати, благополучно забыли после распада СССР. Центральный банк РФ только недавно вернулся к регулированию и страхованию золотовалютных резервов. А до этого все держали в долларах и, по неподтвержденным данным, ЦБ РФ и Минфин имели гигантские убытки из-за непрофессионального подхода его непрофессиональных сотрудников к пониманию валютных резервов страны.

Арбитражная сделка — биржевая операция, которая состоит в том, что ценные бумаги покупаются на одной бирже, а продаются на другой. Таким образом, сглаживаются цены в курсах, устанавливающиеся на разных биржах.

Валютная касса — все поступления и платежи в иностранной валюте, которые имеет государство, в нее входят наличные деньги, а также средства на счетах и во вкладах (*прим. авт.-сост.*).

В СССР использовали тщательно рассчитанную еще при Сталине валютную корзину. Доля той или иной валюты в ней четко соответствовала доле той или иной страны во внешнеторговом обороте. На практике это означало примерно 50% долю доллара и 50% долю остальных валют. Так как рубль менялся каждый день, то основной задачей, стоявшей перед нами, стала ежедневная переоценка кассы, поддержание ее ликвидности, безубыточности.

Занимался банк и золотым дилингом, это подразделение находилось на Кузнецком мосту. Но особенно активно он стал работать только во второй половине 80-х, после того, как произошли известные события в нашем банке в Цюрихе. Начальником этого управления был Ульянов (в 90-х годах он уехал в США, где создал свою компанию, в ней работало много внешторгбанковцев).

Тем временем наступила перестройка. Мы ее ощутили весомо — у страны перестало хватать денег. Было заметно, как стремительно уменьшается валютная подушка. Все больше приходилось «пахать», привлекая средства, чтобы удерживать коэффициент ликвидности. У нас было два направления работы — валютное (конверсионных операций) и депозитное. Во время перестройки все больше приходилось заниматься вторым. Привлекали короткие депозиты. Самые длинные были со сроком до года.

Вообще, на наш банк легла основная нагрузка по сбору денег для советской экономики. Этим занимались другие управления, но мне пришлось участвовать в выпуске первых советских облигаций. Делалось это через цюрихское отделение Внешторгбанка (преемник банка «Восход»). Выпущено было бумаг на 100 миллионов швейцарских франков. Нагрузка по

размещению займа легла на руководителя отделения Владимира Горюнова и его зама Игоря Ситнина. Я был у них тогда стажером. Это было в 1987–1988 гг., как раз из банка вывели всех бывших сотрудников, погоревших на срочных операциях (доллар-марка) и операциях с золотом. Руководители банка держали большую длинную позицию в золоте в течение нескольких лет и потеряли около 0,5 миллиарда долларов. Вообще, там была очень темная история. Главный дилер банка Петерханс был весьма опытный специалист, его старший брат возглавлял дилерскую ассоциацию Швейцарии. Трудно поверить, что об его операциях не знали наши советские сотрудники. Нельзя было не заметить огромную открытую позицию, которая превышала все мыслимые и немыслимые лимиты банка. Закрывали они их свопами, операциями, не влияющими на баланс. С помощью них можно открытую позицию прятать, что они и делали. Непонятно только, зачем было такую позицию столь долго держать — от «Восхода» никто не требовал большой прибыли. Поэтому совсем не обязательно было заниматься и огромными спекулятивными арбитражными операциями, чрезвычайно опасными! Задачей банка была реализация физического золота, кредиты «репо» (кредиты под обеспечение золота). Возможно, что тогдашнее руководство банка было в той или иной форме заинтересовано в результатах спекулятивных операций банка.

Валютный своп — соглашение на обмен оговоренного объема одной валюты на другую валюту на определенную будущую дату или на определенные будущие даты. Делается с целью продления или сокращения сроков погашения, чтобы максимально увеличить доходы или минимизировать издержки финансирования.

При проведении сделок «валютный своп» банк осуществляет покупку одной валюты за другую, допустим сроком «сегодня» по действующему курсу валюты с её последующей продажей допустим сроком «завтра» по курсу, равному базовому курсу, увеличенному на своп-разницу, рассчитанную по специальной формуле. Сделки своп обычно осуществляются на срок от 1 дня до 6 месяцев.

Операция Своп (Swap иногда также называется Rollover или Overnight) — представляет собой одновременно заключение двух противоположных сделок с разными датами валютирования, одна из которых закрывает уже открытую позицию, а другая сразу же открывает ее. Курс свопа и стоимость свопа определяются в момент заключения сделки. Целью операции обычно является продление открытой позиции (*прим. авт.-сост.*).

В результате размер убытков был настолько велик, что закрыть его собственными ресурсами банк уже не мог. Надежда была только на изменение рынка, резкий рост цены золота, но этого не произошло.

Я в Цюрихе пробыл месяцев восемь, работая в банке дилером. И старого состава там оставался один итальянец — Себастьян Савока. Он, кажется, до сих пор работает.

Когда в 1989 году я уезжал на работу в Люксембург, был уже остро ощущаем скорый развал Советского Союза.

Поначалу планировалось, что я поеду в Сингапур, но потом планы переиграли. Я сожалел об этом — Сингапуре работал мой приятель Дмитрий Мозгин, был я знаком и с некоторыми местными коллегами. Кстати, мы в Сингапуре пересекались со ставшим вскоре знаменитым трейдером Ником Лиссеном, в 1995-м обанкротившим один из старейших британских банков «Бэрингз» (Baring's Bank). Вообще дилеры все друг друга знают.

И тут уместно вспомнить историю о том, как веками работавшее солидное финансовое учреждение, Банк Бэрингз, буквально рухнуло в пропасть размером в 1,4 млрд долл. Сотворил это чудо трейдер Ник Лиссен, который на протяжении нескольких лет был в банке финансовым гуру, принося стабильный доход. Его стратегия была основана на понимании определенных ценовых уровней, в рамках которых рынок действовал многие годы. По этим уровням трейдер накапливал продажи опционов колл и пут, постоянно собирая премию с рынка. Но затем наступил известный азиатский кризис фондового рынка, и рынок вошел в фазу сильного и крутого падения, «пробив» все ранее проторгованные уровни. Ник Лиссен имел в продаже непокрытые страдлы на индекс японского фондового рынка Nikkei-225 и вовремя их не покрыл. Более того, он начал покупать индексные фьючерсы в надежде искусственно поднять рынок в целом. Эта излишняя самоуверенность его и погубила. Он провел настолько агрессивную скупку, что вызвал даже появление премии — превышение фьючерса над спотом. Тут же возникли арбитражеры, и это действительно привело к подъему всего фондового рынка в целом. К тому моменту, когда Банк Бэрингз полностью исчерпал свои ресурсы, данная стратегия оправдалась: открытый интерес по фьючерсам на индекс достиг максимального уровня за всю свою историю. Но игнорировать объективную рыночную ситуацию длительное время невозможно — японский рынок рухнул еще ниже, и банк, перегруженный фьючерсами, купленными по завышенным ценам, прекратил свое существование.

На самом деле при первых признаках катастрофы необходимо было в полном объеме покрыть проданные опционы пут. Иногда лучше признать поражение и согласиться на убытки, но сохранить себе жизнь на рынке. Ник Лиссен в результате оказался в тюрьме, а в барах Гонконга приобрел популярность коктейль под названием «Лиссен — смерть банкирам», который готовился очень символично: в стакан сливалось все, имеющееся под рукой.

Действительно, иногда кажутся не лишними основания слова Уоррена Баффита: «Финансовые производные — это финансовое оружие массового уничтожения».

Олег Коньшин. «Опционы на фьючерсы: национальные особенности» // Рынок ценных бумаг, №10 (265), 2004

Этот проигрыш не был неожиданным. Главное, чем грешат дилеры многих крупных банков — это игра на собственный выигрыш, с пониманием того, что убытки все равно лягут не на него, а на государство либо акционеров.

Люксембург

East-West United Bank S.A был небольшим банком, в нем при мне работало всего человек 40, из них 4-5 советских граждан. Сейчас им владеет АФК «Система» и в нем осталось только 25 сотрудников. Получал формально я 30 тысяч евро, 29 из них сдавал в посольство. Причем делал это до конца своего контракта в 1992 году.

И вот 1990 год, я работаю в East-West United Bank S.A., ко мне приезжает новоиспеченный министр финансов РСФСР Борис Федоров и просит помочь молодому российскому правительству организовать визит в Люксембург специальной миссии с полномочиями Бориса Николаевича. В миссии были еще председатель ЦБ РСФСР Георгий Матюхин и министр строительства Ефим Басин. Я, естественно, сообщаю об этом своему руководителю президенту банка Андрею Павловичу Водяницкому. И он запрещает мне любые контакты с людьми Ельцина. Не приняли российских руководителей и в советском посольстве.

Тогда я «заболеваю», беру больничный и на своем маленьком двухдверном BMW начинаю обслуживать «высокую правительственную делегацию». До сих пор удивляюсь, как я сумел их засунуть с чемоданами в свою машину?!

У россиян были сепаратные переговоры с американцами о выдаче больших кредитов некими арабскими странами. Для меня было ясно, что переговорщики связаны с разведкой США и ничего не собираются представлять. Я же выступал у них и гидом, и шофером, и консультантом. В частности, за свои деньги я сделал им презентацию России люксембургскому правительству.

На одной истории хотел бы остановиться. В российское правительство периодически приходили жулики с разными предложениями. Причем от Ельцина приходили резолюции «Рассмотреть и подписать договор». Мне часто приходилось делать их экспертизу. Так, я объяснял, что 140 миллиардов рублей наличными, которые предлагал продать Фильшин, нам не найти, т. е. в российском обороте только 70 миллиардов рублей. Тем более что 1 миллион — это 16 килограммов (разными купюрами). Получилось, что 140 млрд — это целый железнодорожный состав. Я часто писал коротко: «Жулики!» Наконец Борис Николаевич обозлился: «Нам деньги предлагают, а какой-то в Центральном банке бюрократ мешает! Подумаешь, самый умный!» Поэтому, когда к Хасбулатову пришел очередной подозрительный тип, представитель мальтийского ордена, пообещавший выделить кредит в 100 миллиардов долларов, я согласился поехать посмотреть. Думал, что, может быть, хотя бы десятку-то

дадут. Нас в делегации было трое — я, Б. Федоров, министр финансов, и председатель Госстроя России Е. Басин. Сводил нас с орденом американец Леонард Боекельман, который и платил. В банке не было валюты, и мы могли платить только за авиаперелет «Аэрофлотом». А так ездили за счет принимающей стороны. В итоге мы побывали в Люксембурге, Риме, ждали, когда кредит дадут. Но не дождались. Вот с этим американцем мы договор и подписывали. Он должен был полученные деньги отоваривать продуктами.

Г. Г. Матюхин. Из книги «Архив русской финансово-банковской революции» (авт.-сост. Н. Кротов), М., 2006

В результате после этого я стал предоставлять в Люксембурге интересы «суверенного» РСФСР. До конца 1991 года, когда наш посол окончательно спустил флаг СССР на посольском здании¹.

Приказом № 1 новой Торгово-промышленной палаты России я был тогда же в 1990 году назначен торгпредом страны в Люксембурге. Чем, конечно, сильно раздражал руководство советского посольства и банка. Ведь делал все это я на общественных началах, не получая ни вознаграждения, ни зарплаты, продолжая работать в банке.

Надо сказать, что я был при этом противником развала Союза. Зачем же я во всем этом участвовал? Может быть, потому, что не мог отказать Борису, моему другу по институту. Ведь мы с ним были даже вожатыми в пионерском лагере и жили в одной комнате. Когда он работал референтом в ЦК КПСС и писал диссертацию по рынку ценных бумаг, то приходил к нам на дилинг и мы его консультировали по многим вопросам.

Во время путча 1991 года Водяницкий, конечно, издал приказ о полной поддержке ГКЧП. В эти драматические дни стажером у меня был сын советского премьера — Сергей Павлов. Поэтому после того, как его отец попал в тюрьму, я попросил своего приятеля Костю Борового помочь вытащить Валентина Сергеевича оттуда. Константин был тогда в фаворе, бегал по городу с трехцветным флагом и к нему прислушивались новые власть придержащие. Павлова он взял к себе в консультанты в РТСБ.

Как только в 1992 году закончился мой контракт, Водяницкий сразу рассчитал меня (я был единственный, кому контракт не был продлен). За меня не сделали даже вклада в пенсионный фонд, хотя официально его начисляли. Формально в пенсионный фонд начисляли, однако банк пошел на беспрецедентный шаг, отзывав мой пенсионный фонд в лице финдиректора банка Басова, позднее я содержал его сына, который был бомжом в Люксембурге, и помог ему стать человеком, восстановив статус резидента в Люксембурге.

¹ А послом с ноября 1990 года, между прочим, был известный советский писатель Чингиз Торекулович Айтматов (прим. авт.-сост.).

Я их понимаю — вел я себя действительно вызывающе, в частности, первый взял кредит и купил себе дом в Люксембурге. Хотя ведь и польза от меня была — я первый и, наверное, последний сделал на дилинге банку за полтора года большую премию в 15 млн долларов, плюс значительные доходы от заключенных контрактов примерно на 10–15 миллионов долларов.

В Москве во Внешэкономбанке меня на работу не взяли. Начальник отдела кадров, сотрудник соответствующих органов, сказал, что мне здесь делать нечего. Банк разваливался, объявив дефолт.

В это время я получил неожиданное предложение стать представителем министерства финансов Италии в Люксембурге. Есть там некий банк, принадлежащий тогда на 100% правительству, — «Istituto Mobiliere Italiano». Я там стал консультантом по российским вопросам.

Ко мне приезжало много молодых российских банкиров, в частности Юрий Агапов, я помогал им открывать корсчета в западных банках. Дело в том, что это было необходимо, чтобы получить валютную лицензию в Центробанке РФ.

Борис Федоров выдал мне первую лицензию на приватизацию «Мегионнефтегаза». Мы получили право на прямой листинг «Мегиона» на Лондонской фондовой бирже. К сожалению, скандалы и конфликт между владельцами и руководителями этой организации не позволили провести нормально процесс приватизации. Пошли убийства хорошо знакомых мне людей, в частности, первого президента «Мегионнефтегаза», «Славнефти» Анатолия Кузьмина и президента банка «Югорский» Олега Кантора и т. д. Я с огорчением наблюдал все это из Люксембурга, очевидно, мы начали активничать слишком рано, менталитет участников экономических преобразований в России тогда еще не созрел до цивилизованной работы.

